

Е. А. Конявская

ИРИ РАН, Москва, СЗиУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия. *ekonjavskaya@gmail.com*

ЗАВЕЩАНИЯ РУССКИХ КНЯГИНЬ (XV – НАЧАЛО XVI в.)

Статья посвящена анализу завещаний княгинь XV – начала XVI в.: Елены Ольгердовны, вдовы Владимира Андреевича Серпуховского; Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия Дмитриевича, и Ульяны (Юлиании) Михайловны, вдовы Бориса Васильевича Волоцкого. Определена датировка завещаний. Рассмотрены общие черты этих актов – попечение о снохах и других родственницах. Представлены и проанализированы данные о завещаемом имуществе и ценностях.

Ключевые слова: княгини, завещания, попечение о снохах, владения, имущество, церковные ценности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

В исследовании роли русских княгинь в системе властных структур акты, и в первую очередь завещания, являются одним из существенных источников данных. Важным аспектом при этом видится привлечение к анализу сохранившихся завещаний самих княгинь. Для XV – начала XVI в. это завещания вдовы Владимира Андреевича Серпуховского Елены Ольгердовны (в иночестве Евпраксии) (1431–1436 гг.), вдовы великого князя Василия Дмитриевича Софьи Витовтовны (1451 г.), вдовы Бориса Васильевича Волоцкого Ульяны (Юлиании) Михайловны (1503 г.).

Завещания написаны в разное время – от 30-х гг. XV в. до начала XVI в.

Попытки датировать завещание вдовы Владимира Андреевича отталкивались от даты женитьбы великого князя Василия Васильевича на Марии Ярославне (1433 г.). Из одного и того же факта учеными делались противоположные выводы. А. В. Черепнин утверждал, что духовную вдовой княгини Елены/Евпраксии нужно датировать временем до свадьбы Василия Васильевича и ее внучки, поскольку княгиня «не назвала свою внучку Марию Ярославну в своем “челобитье” к Василию и Софье Витовтовне» [Черепнин, с. 156]. А. А. Зимин, напротив, доказывал, что завещание было составлено после свадьбы: «Мария Ярославна не упомянута потому, что Елена ей ничего не завещала», поскольку та уже была замужем [Зимин, с. 296]. Эту позицию разделяет и современный исследователь биографии и завещания Елены Ольгердовны А. Б. Мазуров [Мазуров, Никандров, с. 243–250]. С ней можно согласиться, но ряд положений нуждается в пояснениях.

Елена Ольгердовна предстает в завещании как Евпраксия, то есть к моменту его составления она уже постриглась в монахини. При этом завещание было составлено после заключения договора внука княгини Василия Ярославича с великим князем Василием Васильевичем (18 июля 1432 – 25 апреля 1433 г.), который в явном виде демонстрирует достижение внуком княгини Елены совершеннолетия. После этого регентша-опекун могла принимать постриг. А. А. Зимин же обратил внимание на то, что Мария Ярославна не упоминается среди попечителей, так как Елена Ольгердовна ей ничего не завещала. Но нельзя не заметить, что княгиня ничего не завещала и Софье Витовтовне, хотя пишет, что рассчитывает на ее попечение о женской родне. Таким образом, можно думать, что завещание было составлено не ранее 1433 г. и, скорее всего, незадолго до кончины (1437 г.).

Время написания завещания великой княгини Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия Дмитриевича, на сегодняшний день определяется достаточно точно – по приписке уйгурским письмом оно датируется 2 ноября 1451 г. [Конявская, с. 18–19].

Даты составления завещания волоцкой княгини Юлиании Михайловны, вдовы Бориса Васильевича Волоцкого, определены лишь временем ее кончины – ноябрь 1503 г. и учетом ее вдовства на время составления духовной (Борис умер в 1494 г.). Но столь широкие рамки датировки нецелесообразны, поскольку в грамоте говорится о снохе, «Федорове жоне Марье»¹. До свадьбы Юлиания не дожила², но о «жоне» сына Марье говорит определенно, значит, завещание было составлено незадолго до этого события, а спешность его написания была связана с очевидностью приближения смертного часа княгини (ноябрь 1503 г.).

Различны не только время создания духовных этих княгинь, но и положения княжеских семей и политическая обстановка в момент составления актов. Тем не менее попытаться проанализировать их тексты и увидеть некую специфику «женских» завещаний на этом материале имеет смысл.

Вступительная часть с инвокацией и интитуляцией практически повторяет завещания княжеские. Разумеется, княгини в отличие от князей не заявляют, что дают наследникам «ряд». Однако следующий обязательный момент – поручение, передача на попечение детей и иных родственников старшему в роде или во властной структуре – читается в двух «женских» духовных.

Как такие статьи выглядят в княжеских завещаниях? В завещании Владимира Андреевича Серпуховского соответствующий текст читается в начале акта: «Приказы[ваю] брату [с]во[е]му старѣшему, великому кн(а)зю Васил(и)ю Дмитриевичу, кн(а)г[иню] с[в]о[ю] и дѣти свои на Б(о)зѣ | и на тебѣ, брате ст[арѣ]ишои, кн(а)зѣ вел[ики], чтобы с[а] е[си] ими печаловал» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 12).

В первом завещании Василия Дмитриевича о печаловании о сыне и о княгине говорится в конце духовной: «А о своемъ с(ы)нѣ и о своей [кн(а)г]инѣ покладаю на Бозѣ и на | своемъ дадѣ, на кн(а)зи на [Вол]одимерѣ Ондрѣвич(ѣ), и на сво[е]и брат(ь)и, на кн(а)зи на Ондрѣѣ Дмитриевич(ѣ) и на кн(а)зи на Петрѣ | Дмитриевич(ѣ), по докончанью, как са имуть печалова (так в рукописи. – Е. К.)» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 9). Во второй и третьей духовных статья о печаловании адресуется «брату и | тистю, великому кн(а)зю Витовту, как ми рекль, на Бозѣ да на немъ, ка|к са иметь печаловати» и «своеи братьѣ младшеи» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 13).

Что касается завещаний княгинь, то такие тексты обнаруживаются в начале грамот. В завещании вдовы Владимира Андреевича видим: «Бью челомъ своему г(осподи)ну, великому кн(а)з(ю) Василью Васильевич(ю), | и своей г(оспо)жѣ, великой кн(а)гинѣ Софьи, и приказываю свои снохи, по грамотѣ своего г(осподи)на, кн(а)ж Воло|димеровѣ Андрѣвич(а), чтобы г(осподи)нѣ мои, кн(а)з(ь) велики, пожаловал, печал[о]валса моими снохами, чтобы бы|ли не обидны»³. В духовной вдовы Василия Дмитриевича (Софьи Витовтовны) эта статья сохранилась с большими утратами: «А при|[казываю] ... [мое]му с(ы)ну, великому кн(а)зю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(ю). А г(о)с(поди)нѣ мои, с(ы)нѣ мои, великии кн(а)зѣ Василеи Василевич, печал|[луеть ...]»⁴. Учитывая характер подобной статьи в завещании Елены Ольгердовны, мож-

¹ Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках. СПб., 2023. Приложение V. С. 560.

² В целом ряде современных летописных памятников читаем: «Тое же осени преставися княгиня Оульбана князя Бориса Васильевича ноября. И тогда князь Федоръ Борисович женился после ея, а братъ его меншеи князь Иванъ Борисович на свадьбѣ его разболѣся и преставися» (ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 176).

³ Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках. Приложение V. С. 548.

⁴ Конявская Е. А. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 169.

но думать, что речь идет о женской части родственников Софьи. Сноха ее – великая княгиня Мария – упоминается в духовной грамоте (она была женой здравствующего сына Софьи). Говорится в завещании Софьи и о княгине Евфросинии, вдове брата Василия Дмитриевича – Петра Дмитриевича. Возможно, были живы (но пребывали в монастырях) и другие родственницы вдовствующей княгини, о которых после преставления Софьи должно печаловаться ее сыну. Могла ли Софья в несохранившемся тексте отдавать распоряжения относительно попечения о внуках? Это менее вероятно: ее сын, их отец, сам должен был иметь такую заботу как первостепенную обязанность.

Подобной статьи нет, однако, в духовной Юлиании Михайловны. Ее супруг в завещании 1477 г., собираясь участвовать в походе Ивана III на Новгород, высказывал надежду на попечение о его семье великого князя: «А приказываю своему г(осподи)ну и шпод(а)рю и брату старешому, великому кн(а)зю Ивану Васи(ь)евич(ю), его с(ы)ну, | своему г(осподи)ну, великому кн(а)зю Ивану Васи(ь)евич(ю) (так в грамоте, должно быть: «Ивану Ивановичу». – Е. К.), как им Бог положит на с(е)р(а)дце, жаловати и печаловатиса моим с(ы)н(о)мъ Федором, и мо|ею кн(а)г(и)нею, и моими детми» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 24). Свое завещание Борис Васильевич писал до конфликтов с братом, великим князем Иваном Васильевичем. В договоре с великим князем и его сыном 1473 г. Борис называет Ивана III «братом старѣшим» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 51а), но после серьезных ссор с могущественным родственником в 1486 г. он уже признает его «господином» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 176). Хотя князь Борис в отличие от его брата Андрея не был заточен Иваном III, положение его, особенно после 1491 г., было шатким.

По-видимому, вдова волоцкого князя и спустя значительное время после событий 80-х – начала 90-х гг. XV в. не могла обращаться к деверю с пожеланиями попечения о родственниках. Даже о том, что не получено в качестве приданого дочери, она говорит в форме сообщения, а не просьбы: «Да что ми господарь мои, [кназь ве]|дикии, велѣль дочери моеи приданое взати свое оу зата оу своег(о), оу княза оу Петра оу Ростовьскаго, ино мена тог(о) приданог(о) | не дошло»⁵.

Однако и наличествующие статьи о попечении в двух завещаниях княгинь (по большей части, конечно, Елены Ольгердовны) дают основания для определенных наблюдений.

По-видимому, княгини считали себя ответственными за благополучие снох, особенно (но не только) если те к моменту составления завещания овдовели.

Елена Ольгердовна «бьет челом» Василию Васильевичу и Софье Витовтовне о попечении о ее снохах («чтобы были не обидны»), ссылаясь на духовную грамоту покойного супруга Владимира Андреевича. В духовной князя не говорилось, конечно, что великий князь и его мать должны опекать снох князя Владимира. Но относительно обстоятельств и порядка наследования владений снохами там давались вполне определенные указания: «А ѡ(ъ)имет | Б(о)гъ которого с(ы)на из с(ы)новъ моих, и жена его не поидет замуж, а не будет у нее дѣтей, и сноха моя сидит в мужа своего оудѣль до своего живота по сеи по моеи | грамоте, а поминает нашу д(у)шу, а дѣти мои до ее живота в брата своего оудѣл не вступаютса никаковыми дѣлы». Браки сыновей Василия и Семена, чьи вдовы названы в завещании Елены, были бездетными, так что положение последних полностью соответствовало описанному Владимиром Андреевичем. И это подчеркивается в духовной Елены Ольгердовны: она благословляет «снох(у) свою, кнаиню Семенову Василису» селом Ногатьинским, прибавляя: «А бла(го)словила еси сноху свою, кнаиню Василису, по грамотѣ княз(а) своего, | княж Володимеровѣ Андрѣевич(а),

⁵ Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках. Приложение V. С. 562.

что бы тѣм бла(го)словии по моему животѣ с(ы)на, княз(а) Семена»⁶. Далее она наделяет сноху после своей смерти двумя селами в своем уделе – Бубольским и Бенским (Бенимским), добавляя, что «в тѣх селех сноха моя волна». Так и в отношении княгини Ульяны, вдовы Василия Владимировича: ряд сел ей переходит из тех, что должны были достаться Василию, а в селе Богородском она будет вольна, поскольку это село завещалось Елене супругом с оговоркой: «А дѣти мои княз(ь) Ондрѣи, кн(а)зь Василеи в то | [село не вступаються, ни приста]вовъ своихъ не въсылають, ни судов не судят, [ни] дани не емлют. Судит то село княгини моя и дань емлет».

Кроме снох наследовала Елене Ольгердовне и внучка Мария Ивановна, дочь сына Ивана. Завещанное должно оставаться во владении Марии «до ее живота», а затем перейдет к внуку Елены Василию (сыну Ярослава).

Софья говорит о наследстве для снохи, княгини Марии, в начальной части завещания, сразу после «благословенья» сыну и до наделения внуков. Она завещает Марии Ярославне «с(ва)тую икшну шковану на мусіи»⁷ и несколько сел. Причем статья о селах дает возможность узнать, что и сама Софья, будучи снохой Евдокии Дмитриевны, матери ее покойного супруга, получила наследство от свекрови. В этой статье завещания Софьи Витовтовны читается: «А из сель из своих даю ей на Коломнѣ село | [Ба]бы[ше]вское, да Лысцево, да село Шслебатьевское, куплю своею свекрови, чим ма бл(аго)с(ло)вила моя свекры, великаа княгини Швдот(ь)|а»⁸. Несколько коломенских сел переходит Марии из числа прикупов Софьи.

В другой статье завещания говорится о передаче снохам княгини Евфросинии (вдове Петра Дмитриевича) и Марии Ярославне сел «до живота» (Олексино, Березнеки и Ратково), затем они должны перейти внуку Юрию.

О снохах – существующих и потенциальных – говорится и в завещании Юлиании. Речь идет, как уже было сказано, о жене сына Федора Марии и, если Бог даст жениться сыну Ивану, она наделяет драгоценностями свою будущую сноху. В завещании также говорится о приданом дочери, внуку же княгиня благословляет только иконой, обложенной золотом.

Интересно проследить и последовательность в перечислении того, что завещается княгинями. Это поможет пролить свет на их «систему ценностей», увидеть устойчивые предпочтения и личностные особенности.

Оказывается, что Елена Ольгердовна в своем завещании не упоминает церковных и личных ценностей, речь идет только о территориальных владениях и деньгах. Впрочем, «церковная сторона» завещания все же касается наследниц княгини: о снохах говорится в связи с Рождественским монастырем, в котором хочет «лечи» теперь уже инокиня Евпраксия. Она завещает снохам, сыну и внуку монастырь, которому передала села, Глебков сад, мельницу и др., надеясь, что снохи и потомки будут этими владениями печаловаться, «а не обидать». О снохах говорится в последней статье грамоты: «А снохам своимъ приказываю свою д(у)шу и помина-ти по своему княз(ѣ), и по мнѣ, и по | моих дѣтех, правити по силе».

Софья Витовтовна, хотя и перечисляет в первой половине завещания огромные владения, переходящие к родственникам и потомкам, первое благословение сыну – ящик с мощами и драгоценный воздвизальный крест. Фигурируют в завещании и другие «святости»: Ивану передается икона – Пречистая Богородица с пеленою, икону Феодора Стратилата «выбиту на серебре»⁹ Софья оставляет внуку Борису, икону Космы и Дамиана – Андрею. Любимому

⁶ Там же. С. 548.

⁷ Конявская Е. А. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны. С. 170.

⁸ Там же. Характерно, что Софья завещает владения монастырям «на поминок души» своего покойного супруга и свекрови княгини Авдотьи (затем она называет себя и сына Ивана).

⁹ Конявская Е. А. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны. С. 171.

внуку Юрию она предназначает «с(вя)тую икону Преч(и)стую Б(огороди)цю, болшую икону ст҃ннуну съ пеленою и съ оубрусцы»¹⁰. Передается одна из икон и снохе – великой княгине Марии: Софья оставляет ей «с(вя)тую икону оковану на мусіи»¹¹. Остальные «святости» – кресты, иконы и мощи – передаются внуку Юрию.

О мирских ценностях и вещах в завещании великой княгини говорится в общем виде и лишь в одной статье: «[А что са] встанет оу мене моее казны или какіе рухлади моее клѣтные, какіе ни буди, и таз то вѣсе | [даю внуку] же своему, кн(а)зю Юрію»¹². Еще несколько статей касается «издельного серебра» и «хлѣба стоѣчего на поли»¹³.

В завещании же Юлиании Волоцкой, напротив, лишь одна статья касается территориального владения: «Да что моѧ куплѣ в сьновнѣ отчѣчинѣ, Федоровѣ, на Волоцѣ, селце Михайловское, | и то есми селцо дала къ Пр(е)ч(и)стои на Возмищо по собѣ в Дом С(ва)тѣи Б(огороди)ци»¹⁴. Очевидно, переданные ей мужем территории оставались в ее ведении как прекарные: без права передачи кому-либо при жизни и завещания. Распорядиться в завещании она смогла только купленным ею сельцом. В остальном Юлиания завещает драгоценные предметы, одежду, утварь и иные ценные вещи.

В случае Юлиании выбор завещаемого был ограничен ценностями, которыми она располагала. Однако подробность описаний этих ценностей, внимание к каждому предмету говорят о том, что этот «вещный мир» был важной стороной жизни княгини. Иконы, драгоценные кресты в завещании также упоминаются, но не выделяются в отдельные статьи, перечисляясь в одном ряду с ожерельями и перстнями.

В завещании Елены Ольгердовны ценные вещи, как уже отмечалось, не упоминаются вообще. Владения княгини были значительными, существенной была и ее роль в жизни княжеского дома. Трудно предположить, что в ее казне не было дорогих предметов культа, украшений, ценной одежды и утвари. В завещании они могли не фигурировать лишь по одной причине: княгиня раздала их родственникам ранее, поэтому подробно прописывать их принадлежность уже не было необходимости. Такое объяснение оказывается особенно логичным, если учесть, что в начале акта она называет себя «раба Бож(ь)а инок(а) Евупракси(а)», то есть, как было отмечено, составляет духовную после принятия пострига.

Время составления завещания Софьи известно, мы знаем, что она писала его за два года до кончины. Она называет в интитуляции свое мирское имя (Софья). Стало быть, все владения и ценности были еще в ее распоряжении. Очевидно, что «святости» для нее приоритетны по отношению к другим ценным предметам. Неслучайно крест и ящик с частичками мощей она называет в самом начале духовной. Иконы и кресты записаны в одном ряду с селами и другими владениями, которыми наделяет наследников Софья. Прочие ценности – предметы убора, одежда, утварь («клетная рухлядь») – упомянуты без детализации, Софья явно не придавала им большого значения.

Рассмотренные завещания княгинь показывают, что княгини считали своей обязанностью наделить и по возможности передать кому-то на попечение своих снох и других женских родственниц. Завещаемые владения, церковные и личные ценности присутствуют в их завещаниях в разных соотношениях. Эти соотношения позволяют не только увидеть разницу их богатства и возможностей, но и обнаружить различие в их ценностных установках.

¹⁰ Там же. С. 170.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 171.

¹³ Там же. С. 172.

¹⁴ Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках. Приложение V. С. 563.

Литература

- Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 275–324.
- Конявская Е. Л. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны: утраты текста и датировка // Труды Института российской истории РАН. М., 2019. Вып. 15. С. 11–20.
- Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. 276 с.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. 472 с.

References

- Cherepnin, L. V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vekov [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1948. Part 1. 472 p.
- Konyavskaya, E. L. Zaveshchanie velikoi knyagini Sof'i Vitovtovny: utraty teksta i datirovka [The Testament of Great Princess Sofya Vitovtovna: Losses of the Text and Dating]. In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*. Moscow, 2019. Issue 15. Pp. 11–20.
- Mazurov, A. B., Nikandrov, A. Yu. Russkii udel epokhi sozdaniya edinogo gosudarstva: Serpukhovskoe knyazhenie v seredine XIV – pervoi polovine XV vv. [The Russian Appanage of the Era of the Creation of a United State: Serpukhov Principality in the Middle of the 14th – the First Half of the 15th Centuries]. Moscow, 2008. 276 p.
- Zimin, A. A. O khronologii dukhovnykh i dogovornykh gramot velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. [On the Chronology of the Testaments and Treaties of the Great and Appanage Princes of the 14th – 16th Centuries]. In *Problemy istochnikovedeniya*. Moscow, 1958. Issue 6. Pp. 275–324.

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Northwestern Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

TESTAMENTS OF RUSSIAN PRINCESSES (15th – EARLY 16th CENTURIES)

The article is devoted to the analysis of wills of the following princesses of the 15th – early 16th centuries: Elena Olgerdovna, widow of Vladimir Andreevich Serpukhovsky, Sofia Vitovtovna, widow of Grand Duke Vasily Dmitrievich, and Uliana (Yuliana) Mikhailovna, widow of Boris Vasilyevich Volotsky. The dates of the wills have been determined. Common features of these documents are considered – care for daughters-in-law and other relatives. The data on bequeathed property and values are presented and analyzed.

Keywords: princesses, testaments, care for daughters-in-law, possessions, property, Church values